

РАЗВОД СУРРОГАТНАЯ



УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Развод. Суррогатная

«Автор»

2026

Соболева У.

Развод. Суррогатная / У. Соболева — «Автор», 2026

Дочери с аутизмом нужны дорогостоящие реабилитационные программы. У матери-одиночки Анны нет денег даже на хлеб. Пятьдесят тысяч долларов за суррогатное материнство — её единственный шанс спасти ребёнка. Но заказчиками оказываются бывший муж Анны и подруга, которая разрушила их брак пять лет назад. А условие договора оказывается жестоким: зачатие должно произойти только естественным путём.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ульяна Соболева

Развод. Суррогатная

РАЗВОД. СУРРОГАТНАЯ ДЛЯ БЫВШЕГО МУЖА

Марина северная

Аннотация:

Дочери с аутизмом нужны дорогие реабилитационные программы. У матери-одиночки Анны нет денег даже на хлеб. 50 000 долларов за суррогатное материнство — единственный шанс спасти ребенка. Но заказчики оказываются шокирующими: ее бывший муж и подруга, которая разрушила их брак пять лет назад. Условие жестокое — зачатие только естественным путем

Глава 1

Анна

Ключ в замке поворачивается с тем же скрипом, что и моя душа — надломленно, через боль, через силу. Двадцать два часа на ногах. Двадцать два часа в чужих домах, где я мою полы, которые стоят дороже моей годовой зарплаты. Двадцать два часа, пока моя дочь сидит одна в этой душной коммуналке, выстраивая кубики в идеальные ряды и не произнося ни звука.

София.

Мое сердце сжимается в комок, когда я вижу ее в углу гостиной. Маленькая, хрупкая, погруженная в свой особый мир. Шесть лет — и она до сих пор не сказала мне "мама". Не обняла по собственному желанию. Не посмотрела в глаза дольше секунды.

Но она моя. Единственная. Самая дорогая на этой проклятой земле.

— Софочка, — шепчу я, приседая рядом. Она не поднимает головы, продолжает выстраивать красные кубики к красным, синие к синим. В ее мире есть порядок, которого нет в моем. — Мама пришла.

Знаете, иногда я думаю, что материнство — это медленная смерть. Ты умираешь по кусочкам каждый день, отдавая себя частями, и в конце концов понимаешь, что от тебя ничего не осталось. Только пустая оболочка, которая дышит ради кого-то другого.

И я бы согласилась умереть хоть сейчас, если бы знала, что София будет в порядке.

Дрожащими руками достаю из сумки конверт с зарплатой. Пересчитываю купюры в третий раз за сегодня, молясь, чтобы математика вдруг изменилась в мою пользу. Пятнадцать тысяч рублей. Минус восемь за коммуналку, минус три за еду, минус...

Боже, минус десять тысяч за логопеда.

Я уже в минусе еще до того, как начала считать.

Стол завален счетами и выписками, как надгробиями всех моих несбывшихся надежд. АВА-терапия — двадцать тысяч в месяц. Сенсорная интеграция — пятнадцать тысяч. Дефектолог — двенадцать. Невролог — семь. И это только начало списка, который тянется до самого ада.

Врачи говорят красивые слова: "ранняя интенсивная терапия", "максимальные шансы на социализацию", "при правильном подходе ваша дочь сможет...". А потом называют цифры, от которых у меня темнеет в глазах и ломается что-то внутри, между ребрами.

Сто пятьдесят тысяч рублей в месяц. Чтобы дать моей девочке шанс на нормальную жизнь.

Сто пятьдесят тысяч. А у меня пятнадцать.

Меня выворачивает от этой несправедливости, мурашки пробегают по спине, словно тысячи игл. Почему деньги решают, кому жить нормально, а кому задыхаться в тисках нищеты? Почему любовь матери ничего не стоит в этом мире, где все измеряется цифрами на банковских счетах?

— Анечка, ты дома? — голос соседки Галины Петровны проникает через тонкую стенку, как гвоздь в череп.

Я закрываю глаза. Знаю, зачем она пришла. За квартплатой. За те деньги, которых у меня нет и не будет.

— Аня, открывай, видела свет в окне, — настаивает Галина Петровна, барабанив в дверь. — Поговорить надо.

Дверь скрипит, открываясь. Галина Петровна — женщина лет шестидесяти, с лицом, покрытым сетью морщин, как картой всех пережитых бед. Она смотрит на меня с тем выражением, с каким смотрят на безнадежно больных.

— Аня, милая, — начинает она, и в ее голосе слышится фальшивая жалость, — я понимаю, как тебе тяжело, но квартплата...

— Знаю, — обрываю я. Горло пересыхает, как в пустыне. — Еще неделю дайте. Найду деньги.

— Неделю? — Галина Петровна качает головой. — Аня, ты должна уже за три месяца. Управляющая компания грозит выселением. Я же не могу...

— Найду, — повторяю я, и мой голос звучит как хрип умирающего. — Клянусь, найду.

Она уходит, оставляя за собой тяжелый запах старости и безнадежности. А я сажусь на пол рядом с Софией и чувствую, как по щекам катятся слезы.

Представьте, каково это — смотреть на свое единственное сокровище и понимать, что ты не можешь дать ему самого необходимого. Что твоя любовь бессильна против жестокой арифметики этого мира.

София вдруг поднимает голову и смотрит на меня. Всего секунду, но в ее глазах я вижу что-то такое, от чего сердце разрывается на части. Понимание? Сочувствие? Или просто отражение моего отчаяния?

Я протягиваю руку, чтобы погладить ее по головке, но она отстраняется. Не грубо, не со злостью — просто уходит в себя, как всегда. И это убивает меня сильнее любой боли.

Телефон пищит, сообщение. Лена, моя коллега по ночной уборке.

"Ань, как дела? Слушай, есть одна тема. Можешь быстро заработать. Серьезные деньги. Позвони, когда освободишься."

Серьезные деньги. В нашем мире это обычно означает что-то незаконное, опасное или унижительное. Но когда ты на дне, а твой ребенок тонет вместе с тобой, мораль становится роскошью, которую ты не можешь себе позволить.

Набираю Ленин номер дрожащими пальцами.

— Аня? — ее голос звучит осторожно. — Как София?

— Плохо, — говорю я честно. — Лен, эти деньги... что за работа?

Пауза. Я слышу, как она затягивается сигаретой.

— Суррогатное материнство, — выдыхает она наконец. — Я работаю уборщицей в центре репродукции "Надежда". Видела, сколько они платят суррогатным мамам. Пятьдесят тысяч долларов, Аня. За девять месяцев.

Мир останавливается. Цифра повисает в воздухе, как спасательный круг над бездной.

Пятьдесят тысяч долларов. Это... это больше трех миллионов рублей. На эти деньги София сможет получить все необходимое лечение. Все занятия. Все шансы на нормальную жизнь.

— Аня, ты слышишь? — Лена говорит, а я плыву в тумане из цифр и надежд.

— Слышу, — хрипло отвечаю. — Что... что нужно делать?

— Прийти в центр, пройти обследование. У тебя есть ребенок, значит, с репродуктивной системой все в порядке. Ты молодая, здоровая. Они тебя возьмут.

Суррогатное материнство. Выносить чужого ребенка за деньги. Отдать его и забыть, как страшный сон.

А что, если бы мне кто-то предложил выносить Софию за эти деньги? Смогла бы я ее отдать? Нет. Ни за что на свете. Но чужого... чужого ребенка я смогу. Ради своего.

— Лен, — голос дрожит так, что я едва узнаю его, — дай адрес.

— Улица Саврасовская, дом двенадцать. Спроси директора Каюцкую Альбину Сергеевну. Скажешь, что от меня. Она хорошая, поймет.

После разговора я долго сижу на полу, обхватив колени руками. София построила идеальную башню из кубиков и теперь любит ее, слегка покачиваясь. Это ее способ радоваться — едва заметные движения, которые понятны только мне.

Знаете, есть вещи, на которые ты никогда не согласишься, пока жизнь не загонит тебя в угол. Продать свое тело — это кажется диким, пока твой ребенок не нуждается в спасении. Стать инкубатором для чужого счастья — это унижительно, пока ты не понимаешь, что это единственный шанс дать будущее собственному ребенку.

Подумайте об этом. Девять месяцев вынашивать чужую мечту, чтобы осуществить свою. Девять месяцев быть сосудом для чужой любви, чтобы получить возможность полноценно любить своего ребенка.

Я встаю и иду к окну. За стеклом темнота, редкие огни в окнах соседних домов. Где-то там живут люди, которые не считают каждую копейку, не рыдают над счетами, не продают свою душу за возможность дать детям нормальную жизнь.

А где-то там живут люди, которые готовы заплатить любые деньги за ребенка. За то, что у меня есть, но чего нет у них.

И вдруг я понимаю: мы с ними можем помочь друг другу. Они дадут мне деньги, я дам им ребенка. Никто не пострадает. София получит лечение. Какая-то семья получит долгожданного малыша.

Все честно. Все справедливо.

Почему же тогда у меня так болит грудь, словно кто-то вырвал из нее кусок?

Подхожу к Софии, сажусь рядом с ней на пол. Она не смотрит на меня, но я чувствую ее присутствие каждой клеточкой. Моя девочка. Мое сердце вне груди.

— Мама все исправит, — шепчу я в тишину. — Мама найдет способ.

И в эту секунду я принимаю решение, которое изменит нашу жизнь навсегда.

Завтра я пойду в центр "Надежда". Завтра я продам свое тело за шанс спасти душу своего ребенка.

Потому что материнская любовь не знает границ. И не признает моральных принципов.

Потому что когда на кону жизнь твоего ребенка, ты готова стать кем угодно. Даже инкубатором для чужого счастья.

Мне страшно до дрожи в коленях. Кости ломит от понимания того, на что я иду. Но страх за будущее Софии сильнее страха за собственное достоинство.

И знаете что? Я не жалею об этом решении. Даже сейчас, когда мурашки бегут по коже от одной мысли о том, что меня ждет, — я не жалею.

Потому что я мать. А материнство — это готовность пройти через ад, лишь бы твой ребенок увидел рай.

Даже если этот рай будет стоить тебе всего, что у тебя есть.

Глава 2

Анна

Саврасовская улица встречает меня запахом дорогих машин и чужого благополучия. Дом двенадцать возвышается передо мной как белоснежная крепость, построенная на костях таких, как я. Стекло и мрамор, сталь и позолота — все кричит о том, что здесь вершат судьбы за деньги.

Центр репродукции "Надежда". Какая горькая ирония — называть надеждой место, где продают и покупают будущее.

Мои ноги подкашиваются на пороге, словно тело понимает: как только я переступлю этот порог, дороги назад не будет. Ладони потеют так, что я вытираю их о дешевую куртку уже в третий раз. София крепко держится за мою руку — единственное, что удерживает меня от бегства.

Знаете, есть моменты, когда ты стоишь на краю пропасти и понимаешь: прыгать страшно, но оставаться еще страшнее. Когда у тебя нет выбора, кроме как довериться неизвестности и молиться, чтобы на дне оказались не острые камни, а спасительная вода.

— Мам, — шепчу я Софии, хотя знаю, что она не ответит. — Мам идет работать. Чтобы тебе было лучше.

Она не поднимает глаз, но крепче сжимает мою руку. И этого достаточно.

Двери раскрываются передо мной бесшумно, как челюсти хищника. Внутри пахнет стерильностью, дорогими духами и едва уловимым ароматом отчаяния. Да, именно отчаяния — я чувствую его каждой порой кожи, потому что сама источаю его.

Холл поражает роскошью, от которой у меня перехватывает дыхание. Мраморный пол настолько отполирован, что в нем отражается хрустальная люстра размером с мою кухню. Кожаные диваны цвета слоновой кости, на которых, наверное, можно купить квартиру. Картины в золоченых рамах, изображающие счастливые семьи с детьми.

Дети. Везде дети. На картинах, в фотографиях, в рекламных буклетах. Улыбающиеся, здоровые, любимые. Те, ради которых люди готовы платить любые деньги.

А я готова платить собственным телом.

За стойкой ресепшн сидит девушка лет двадцати пяти, безупречно накрашенная, с улыбкой, которая не достигает глаз. Ее маникюр стоит, наверное, как мой месячный продуктовый бюджет.

— Добро пожаловать в центр "Надежда", — шепчет она, не отрывая взгляда от компьютера. — Чем могу помочь?

— Я... — голос дрожит так, что я едва узнаю его. — Я по поводу суррогатного материнства. Меня направила Лена... Елена Карпова.

Девушка наконец поднимает глаза, и я вижу, как она оценивает меня взглядом. Дешевая одежда, затертая сумка, нервные руки, ребенок, который не смотрит в глаза и молчит. В ее взгляде читается все: "Еще одна отчаявшаяся".

— Понятно, — тон становится профессионально-участливым. — Сейчас я позвоню Альбине Сергеевне. Присаживайтесь, пожалуйста.

Мы садимся на край дивана, словно боимся его испачкать. София начинает качаться — ее способ справляться со стрессом. Я обнимаю ее, чувствуя, как мое сердце колотится где-то в горле.

Представьте, каково это — сидеть в храме чужого счастья и осознавать, что ты здесь не за своим. Ты здесь, чтобы стать инструментом, сосудом, временным хранилищем чужой мечты. Ты здесь, чтобы продать то, что считалось священным, — способность дарить жизнь.

Но когда на кону жизнь твоего ребенка, священность становится роскошью.

— Анна? — голос заставляет меня вздрогнуть.

Передо мной стоит женщина лет пятидесяти пяти, в строгом костюме, который стоит больше, чем я зарабатываю за год. Седые волосы уложены в безупречную прическу, макияж идеален. Но больше всего поражают глаза — умные, проницательные, видящие насквозь.

— Альбина Сергеевна Каюцкая, — представляется она, протягивая руку. — Директор центра. Лена много рассказывала о вас.

Ее рукопожатие крепкое, уверенное. Рука человека, привыкшего принимать решения и менять судьбы.

— Проходите в мой кабинет, — говорит она, и я слышу в ее голосе интонации, которые не терпят возражений.

Мы идем по длинному коридору, стены которого увешаны дипломами, сертификатами и фотографиями счастливых семей с новорожденными. "Результаты нашей работы", — как будто шепчут эти фотографии. "Результаты чужих жертв", — мрачно думаю я.

Кабинет Каюцкой — это отдельная вселенная власти и влияния. Массивный стол из красного дерева, кожаные кресла, книжные полки до потолка. На стене — дипломы медицинского института, научные степени, благодарности от известных личностей.

— Присаживайтесь, — Каюцкая жестом указывает на кресло напротив стола. — София, правда? — обращается она к дочери. — Красивое имя. Как у моей младшей внучки.

София, как всегда, не реагирует, но я чувствую, как Каюцкая изучает ее взглядом. Профессиональным, оценивающим. Видит ли она особенности дочери? Понимает ли, что София не такая, как другие дети?

— Лена сказала, что вы заинтересованы в программе суррогатного материнства, — начинает Каюцкая, усаживаясь за стол. — Расскажите о своей мотивации.

Мотивация. Какое красивое слово для описания отчаяния.

— Моей дочери нужна реабилитация, — говорю я, и каждое слово дается с трудом. — У нее расстройство аутистического спектра. Занятия стоят очень дорого, а я... я не могу себе этого позволить.

Каюцкая кивает, делая пометки в блокноте. В ее лице нет ни капли осуждения, только профессиональный интерес.

— Понимаю, — говорит она мягко. — Особенности дети требуют особенного подхода и, к сожалению, значительных финансовых вложений. Вы работаете?

— Две работы, — отвечаю я. — Администратор в медцентре днем, уборщица в офисах ночью. Но этого все равно не хватает.

— А отец ребенка?

Вопрос как удар ножом в грудь. Я закрываю глаза, чувствуя, как по венам разливается боль.

— Он... он не знает о дочери, — шепчу я. — Мы развелись до ее рождения.

Каюцкая поднимает бровь, но не комментирует. Просто записывает еще что-то в своем блокноте.

— Анна, я должна быть с вами предельно честной, — говорит она, откладывая ручку. — Суррогатное материнство — это не просто способ заработать деньги. Это колоссальная физическая и эмоциональная нагрузка. Девять месяцев вы будете вынашивать ребенка, к которому неизбежно привяжетесь, а потом отдадите его навсегда.

Знаете, есть боль, которую невозможно описать словами. Она живет где-то между ребрами, сжимает легкие и не дает дышать полной грудью. Именно такую боль я чувствую сейчас, представляя, как буду отдавать чужого ребенка.

— Я понимаю, — говорю я, хотя на самом деле не понимаю ничего. Как можно понять то, через что не прошел?

— Компенсация составляет пятьдесят тысяч долларов, — продолжает Каюцкая. — Двадцать пять процентов сразу после подтверждения беременности, остальное — после родов. Плюс все медицинские расходы и ежемесячное пособие на питание.

Пятьдесят тысяч долларов. Цифра звучит нереально, как сумма из фантастического фильма. На эти деньги София сможет получить все необходимое лечение. АВА-терапию, логопеда, дефектолога, невролога. Все, что даст ей шанс на нормальную жизнь.

— Что нужно делать? — спрашиваю я, и мой голос звучит как голос приговоренного к смерти.

— Сначала полное медицинское обследование, — объясняет Каюцкая. — Анализы, УЗИ, консультации специалистов. Потом психологическое тестирование. Если все в порядке, мы подбираем подходящую пару и заключаем контракт.

Подходящую пару. Людей, которые станут родителями ребенка, которого я выношу. Людей, которые будут счастливы благодаря моей жертве.

— А если... если во время беременности что-то пойдет не так? — задаю я вопрос, который жжет изнутри.

— У нас работают лучшие врачи Москвы, — уверенно отвечает Каюцкая. — Мы ведем беременность с самого начала и до родов. Риски минимальны.

Риски минимальны. Но они есть. Я могу умереть, рожая чужого ребенка. София останется одна. Эта мысль пронзает меня насквозь, заставляя задрожать.

Но потом я смотрю на дочь, которая сидит рядом и выстраивает из своих игрушек какой-то только ей понятный узор, и понимаю: я готова рискнуть. Ради нее я готова на все.

— Когда можно начать обследование? — спрашиваю я.

Каюцкая улыбается — первый раз за весь разговор улыбка кажется искренней.

— Прямо сейчас, если хотите. Наталья Викторовна Селиванова, заведующая отделением репродуктологии, свободна. Она проведет первичный осмотр.

Первичный осмотр. Первый шаг к тому, чтобы стать товаром на рынке человеческих мечтаний.

— Хорошо, — шепчу я, чувствуя, как мурашки бегут по спине. — Давайте начнем.

Каюцкая встает и направляется к двери.

— Анна, — говорит она, обернувшись. — Вы принимаете очень важное решение. Не только для себя, но и для будущих родителей. То, что вы делаете, — это настоящий подвиг.

Подвиг. Или предательство собственного тела. Или и то, и другое одновременно.

Мы идем по коридору к медицинскому блоку, и я чувствую, как каждый шаг отдаляет меня от прежней жизни. Скоро я буду не просто Анной, матерью Софии. Я стану Анной, суррогатной матерью, женщиной, которая продала свою способность к деторождению за возможность спасти собственного ребенка.

И знаете что? Я не жалею. Даже сейчас, когда ноги дрожат от страха, а в горле пересыхает от ужаса перед неизвестностью, — я не жалею.

Потому что материнская любовь не знает границ. И если эти границы существуют, я готова их разрушить.

Ради Софии. Ради ее будущего. Ради шанса услышать когда-нибудь от нее слово "мама". Даже если для этого мне придется стать матерью для чужого ребенка.

Глава 3

Анна

Медицинский блок центра "Надежда" пахнет антисептиком и разбитыми мечтами. Белые стены, белые халаты, белый свет ламп — все здесь стерильно, как операционная, где вскрывают не тела, а души.

Каюцкая ведет нас по коридору мимо кабинетов с табличками: "Репродуктология", "Генетика", "Психология". За каждой дверью чьи-то судьбы ломаются и собираются заново, как пазл, из которого потеряли половину деталей.

— Наталья Викторовна — наша ведущая репродуктолог, — говорит Каюцкая, останавливаясь у двери с табличкой "Заведующая отделением". — Доктор наук, кандидат в члены-корреспонденты академии. Если она одобрит вашу кандидатуру, считайте, что полдела сделано.

Полдела. А другая половина — это девять месяцев вынашивания чужого счастья в собственном теле.

Дверь открывается, и на пороге появляется женщина лет сорока пяти, в безупречно белом халате. Высокая, стройная, с седыми прядями в темных волосах и глазами цвета зимнего неба. В ее облике читается та особая строгость, которая бывает только у людей, привыкших принимать решения о жизни и смерти.

— Наталья Викторовна Селиванова, — представляется она, протягивая руку. Рукопожатие короткое, но крепкое. — Альбина Сергеевна рассказала о вашей ситуации. Проходите.

Ее кабинет — это храм науки. Дипломы на стенах, медицинские атласы на полках, на столе — стопки анализов и результатов обследований. И снова фотографии детей. Везде дети — словно немые свидетели того, ради чего здесь ломают женские судьбы.

— Присаживайтесь, — Селиванова указывает на кресло перед столом. — София может посидеть на диванчике, там есть игрушки.

Моя дочь покорно садится в угол дивана, достает из своей сумки кубики и начинает выстраивать их в ряд. Ее ритуал, ее способ справляться с незнакомой обстановкой. Я завидую ей — у нее есть способ спрятаться от мира, а у меня такой роскоши нет.

— Анна, я буду с вами предельно честна, — начинает Селиванова, открывая папку с документами. — Суррогатное материнство — это не просто медицинская процедура. Это испытание для всех систем организма, для психики, для всей вашей жизни. Вы готовы к этому?

Готова ли я? Знаете, никто не готов продавать свое тело. Никто не готов становиться инкубатором для чужих грез. Но когда выбор стоит между унижением и смертью собственного ребенка, готовность становится роскошью.

— Готова, — отвечаю я, и мой голос звучит тверже, чем я себя чувствую.

— Хорошо. Тогда начнем с анамнеза, — Селиванова берет ручку. — Возраст?

— Тридцать пять.

— Беременности, роды?

— Одна беременность, одни роды. Естественные, без осложнений.

Она записывает, и я думаю о том, как просто звучат эти слова. "Одна беременность, одни роды". А за ними — девять месяцев счастья, когда я носила под сердцем Софию. Девять месяцев, когда я была полной, цельной, когда внутри меня билось два сердца.

— Хронические заболевания?

— Нет.

— Операции?

— Нет.

— Вредные привычки?

— Нет. Не курю, не пью. Не могу себе позволить.

Последняя фраза срывается сама собой, и я прикусываю язык. Но Селиванова не осуждает, только кивает с пониманием.

— Психические расстройства в семье?

Вопрос как пощечина. Я думаю о Софии, о ее диагнозе, о том, что некоторые считают аутизм психическим расстройством.

— У дочери расстройство аутистического спектра, — говорю я тихо. — Но это не психическое заболевание, это особенность развития.

— Конечно, — соглашается Селиванова. — Аутизм не является противопоказанием. Более того, дети с РАС часто рождаются у совершенно здоровых родителей.

Облегчение накрывает меня волной. Хотя бы здесь Софию не считают сломанной.

— Теперь перейдем к осмотру, — Селиванова встает. — Раздевайтесь до белья, ложитесь на кушетку.

Раздеться. Лечь. Позволить чужому человеку осмотреть мое тело, как товар на рынке. Оценить, подойдет ли эта матка для вынашивания чужого ребенка.

Меня выворачивает от этой мысли, мурашки бегут по коже, но я покорно снимаю свою дешевую блузку и юбку. Под пристальным взглядом врача мое тело кажется жалким, изношенным. Растяжки после беременности, шрам от аппендицита, синяк на руке от того, что вчера ударилась о дверной косяк.

— Расслабьтесь, — говорит Селиванова, надевая перчатки. — Сейчас проведу гинекологический осмотр.

Расслабиться. Когда чужие руки исследуют самые интимные части твоего тела не из любви, не из страсти, а для того, чтобы определить, годишься ли ты в качестве сосуда.

Холодные инструменты, профессиональные прикосновения, тишина, нарушаемая только шуршанием медицинских перчаток. Я закрываю глаза и думаю о Софии. О том, что это ради нее. Что этот позор, это унижение — цена за ее будущее.

— Матка в норме, — констатирует Селиванова. — Яичники без патологий. Шейка матки после родов, но состояние хорошее. С медицинской точки зрения противопоказаний не вижу.

С медицинской точки зрения. А с человеческой? Есть ли противопоказания с точки зрения человеческого достоинства?

— Теперь УЗИ, — говорит врач, включая аппарат.

Холодный гель на животе, датчик, скользящий по коже. На экране появляется черно-белое изображение моих внутренностей. Матка, яичники, все органы, которые когда-то создали Софию, а теперь должны создать чужого ребенка.

— Эндометрий в норме, фолликулы созревают правильно, — комментирует Селиванова. — У вас отличная репродуктивная система, Анна. Природа наградила вас.

Наградила. Да, подарила мне способность дарить жизнь. Только теперь этот дар превратился в товар.

Осмотр закончен, я одеваюсь дрожащими руками. София по-прежнему сидит в углу, выстраивая свои кубики. Моя девочка, ради которой я прохожу через все это.

— Результаты отличные, — говорит Селиванова, возвращаясь за стол. — Но это только начало. Вам нужно сдать анализы крови на инфекции, гормоны, генетические маркеры. Сделать флюорографию, ЭКГ, получить заключения терапевта, невролога, психиатра.

Психиатра. Чтобы определить, достаточно ли я сумасшедшая, чтобы согласиться выносить чужого ребенка, но при этом достаточно нормальная, чтобы это делать качественно.

— А потом? — спрашиваю я.

— Потом психологическое тестирование у Сергея Альбертовича. Он определит вашу готовность к программе с психологической точки зрения.

Психологическая готовность продать свою душу. Интересно, есть ли такие тесты в учебниках?

— Когда можно все сдать? — спрашиваю я.

— Прямо сейчас, — отвечает Селиванова. — У нас есть собственная лаборатория. За пару часов мы получим основные результаты.

Пару часов. Пару часов, и станет ясно, подхожу ли я для того, чтобы стать живым инкубатором.

Мы выходим из кабинета, и Селиванова ведет нас в лабораторию. Здесь пахнет химическими реактивами и человеческим страхом. За стеклянными перегородками работают люди в белых халатах, исследуя биологические материалы — частички чужих жизней, чужих надежд.

— Анна Сергеевна? — окликает меня медсестра. Молодая девушка с усталыми глазами. — Проходите в процедурную.

Процедурная комната размером с кладовку. Кушетка, стол с инструментами, запах спирта. Медсестра готовит шприцы — много шприцов.

— Анализы обширные, — объясняет она, увидев мой испуганный взгляд. — ВИЧ, гепатиты, сифилис, цитомегаловирус, токсоплазмоз, краснуха, гормоны щитовидной железы, половые гормоны, общий и биохимический анализ крови. Вытяните руку.

Игла входит в вену, и я чувствую, как из меня уходит кровь. Моя кровь, которая сейчас станет набором цифр в лабораторных бланках. Цифр, которые определяют, стою ли я пятидесяти тысяч долларов.

Знаете, есть что-то символичное в том, как твоя кровь течет в пробирки, пока ты решаешь продать свое тело. Как будто жизнь уходит из тебя по капле, а взамен ты получаешь только деньги.

— Теперь рентген, — говорит медсестра, когда набирает последнюю пробирку.

Рентген-кабинет находится в подвале. Тяжелая свинцовая дверь, аппарат размером со шкаф, предупреждающие знаки радиации. Здесь даже воздух кажется тяжелым.

— Дышите, не дышите, — командует рентгенолог из-за защитного стекла.

Излучение пронзает мое тело, проникает в кости, в органы. Ищет патологии, которые могут помешать вынашиванию. Делает меня прозрачной, словно медуза.

— Легкие чистые, сердце в норме, — констатирует врач, глядя на снимки. — Патологий не выявлено.

Еще одна галочка в моем медицинском досье. Еще один шаг к тому, чтобы стать суррогатной матерью.

— Теперь к психологу, — говорит медсестра, провожая нас обратно в медблок.

Кабинет Сергея Альбертовича Саркисяна разительно отличается от строгого кабинета Селивановой. Здесь теплее, уютнее. Кожаная мебель, картины на стенах, на столе — фотография красивой женщины и двух детей. И запах... дорогого коньяка.

Сам Саркисян — мужчина лет пятидесяти, полноватый, с добродушным лицом и пронзительными глазами. Он встает из-за стола, когда мы входим, и я замечаю, что он оценивает нас взглядом. Но не как врач — скорее как человек, привыкший определять социальный статус с первого взгляда.

— Анна, присаживайтесь, — говорит он, указывая на удобное кресло. — София, ты можешь поиграть здесь, на ковре. У меня есть пазлы.

Его голос мягкий, располагающий. Но в глазах читается что-то другое — оценка, расчет.

— Анна, расскажите мне о своей жизни, — просит он, усаживаясь напротив. — О семье, о работе, о планах на будущее.

О планах на будущее. Какие планы могут быть у женщины, которая продает свое тело?

— Я мать-одиночка, — начинаю я. — Работаю на двух работах, но денег не хватает на лечение дочери. Решила стать суррогатной матерью, чтобы заработать на ее реабилитацию.

— Понятно, — кивает Саркисян. — А почему именно суррогатное материнство? Есть же другие способы заработать.

Другие способы. Какие? Проституция? Торговля наркотиками? Ограбление банка?

— Это единственный способ заработать такие деньги за короткое время, — отвечаю я честно.

— Вы понимаете, что вам придется девять месяцев вынашивать ребенка, а потом отдать его? — спрашивает он.

Понимаю ли я? Каждая клетка моего тела протестует против этой мысли. Каждый материнский инстинкт кричит: "Не отдавай!" Но разум холодно подсчитывает: пятьдесят тысяч долларов против жизни Софии.

— Понимаю, — говорю я.

— А как вы относитесь к людям, которые могут себе позволить заплатить такие деньги за ребенка? — неожиданно спрашивает Саркисян.

Странный вопрос. Я думаю о богатых парах, которые приходят сюда за детьми. О том, что у них есть деньги, но нет самого главного — способности зачать. У меня есть то, чего нет у них. А у них есть то, чего нет у меня.

— Они несчастны по-своему, — говорю я после паузы. — Деньги не могут купить счастье материнства. Только возможность его получить.

Саркисян улыбается — впервые за весь разговор улыбка кажется искренней.

— Очень мудрый ответ, — говорит он. — Я вижу, что вы понимаете суть происходящего. Это не торговля детьми — это взаимопомощь. Вы помогаете людям стать родителями, они помогают вам решить финансовые проблемы.

Взаимопомощь. Красивое слово для описания торговли человеческими функциями.

— Расскажите о своих отношениях с мужчинами, — продолжает психолог.

Отношения с мужчинами. Единственный мужчина в моей жизни разбил мне сердце и выгнал на улицу, поверив лжи. С тех пор я не могу никому доверять.

— Сейчас ни с кем не встречаюсь, — отвечаю я. — Нет времени на личную жизнь.

— А отец Софии?

Снова этот вопрос. Он жжет изнутри, заставляет сжиматься все внутренности.

— Мы развелись до ее рождения, — повторяю я. — Он не знает о дочери.

— Почему? — настаивает Саркисян.

Почему? Потому что он поверил подлой лжи. Потому что выгнал меня из дома, не дав объясниться. Потому что я была слишком горда, чтобы вернуться и сказать правду.

— Личные причины, — говорю я сухо.

Саркисян что-то записывает в своем блокноте. Потом поднимает глаза и внимательно смотрит на меня.

— Анна, я вижу, что вы сильная женщина, — говорит он наконец. — Вы прошли через многое и не сломались. Это важно для программы суррогатного материнства. Нам нужны именно такие женщины — сильные, ответственные, понимающие свою миссию.

Миссия. Еще одно красивое слово для описания продажи собственного тела.

— Я рекомендую вас к участию в программе, — продолжает Саркисян. — Как только придут результаты анализов, мы сможем подбирать подходящую пару.

Подходящую пару. Людей, которые станут родителями ребенка, живущего сейчас только в их мечтах.

Мы выходим из кабинета, и я чувствую, как ноги подкашиваются от усталости. Физической и моральной. Сегодня я прошла через унижение медицинского осмотра, сдала кровь, как

лабораторное животное, и рассказала чужому человеку о своих самых болезненных переживаниях.

И все это ради денег. Ради возможности дать Софии нормальную жизнь.

— Результаты анализов будут готовы завтра к обеду, — говорит Каюцкая, провожая нас к выходу. — Если все в порядке, уже завтра мы сможем начать подбор семьи.

Завтра. Завтра я узнаю, подхожу ли для того, чтобы стать живым инкубатором. Завтра моя судьба может измениться навсегда.

Мы выходим на улицу, и я вдыхаю свежий воздух полной грудью. Он кажется особенно чистым после стерильной атмосферы клиники.

София крепко держится за мою руку. Моя девочка, ради которой я готова пройти через все это. Ради которой я готова выносить чужого ребенка и отдать его навсегда.

Знаете, есть вещи, которые невозможно простить себе. И есть вещи, которые невозможно себе не простить. Продажа собственного тела — это то, что я никогда себе не прощу. Но отказ от шанса спасти дочь — это то, что я не смогу простить себе никогда.

И я выбираю первое. Потому что материнская любовь сильнее гордости.

Потому что София важнее моего достоинства.

Потому что иногда единственный способ остаться человеком — это перестать им быть.

Глава 4

Алексей

Ненавижу стерильную белизну стен, которая режет глаза хуже, чем отчеты о падении прибыли. Ненавижу запах антисептика и лицемерные улыбки персонала, готового продать родную мать за хорошую комиссию. Но больше всего я ненавижу то, что мне, Алексею Викторовичу Гордееву, наследнику металлургической империи "Северсталь-Инвест", приходится покупать то, что должно доставаться мужчине бесплатно — продолжение рода.

Сорок два года, черт возьми. Сорок два года, а наследника до сих пор нет.

Дед перевернулся бы в могиле, если бы знал, что его внук, унаследовавший сталелитейные заводы от Урала до Дальнего Востока, не может обзавестись потомством. "Гордеев без сына — не Гордеев", — любил повторять старик, затягиваясь сигарой в своем кабинете.

Кабинет Каюцкой давит роскошью, но не той, к которой привык я. Моя роскошь — это власть над тысячами людей, способность одним звонком обрушить акции конкурентов, заставить министров ждать в приемной. А здесь торгуют человеческими функциями, как я торгую металлом на биржах.

— Алексей Викторович, — голос Альбины Сергеевны прерывает мои размышления, — понимаю, как сложно принять решение о суррогатном материнстве...

— Чушь, — отрезаю я, закуривая сигарету прямо в кабинете. — Ничего сложного. Нужен товар — плачу деньги. Все просто.

Каюцкая моргает, но не протестует. За мои деньги можно и потерпеть хамство.

Рядом Виктория напрягается. Она всегда напрягается, когда я веду себя "неподобающе". Жена. Скорее, партнер по контракту, подписанному три года назад под давлением отца.

"Эта девочка тебе подходит, — сказал тогда Виктор Алексеевич, указывая на фотографию Виктории. — Из хорошей семьи, образованная, амбициозная. И главное — не такая шлюха, как твоя Анька."

Анька. Он всегда называл Анну именно так, с презрением в голосе. Потому что она была простая, без связей, без денег. Потому что любила меня, а не мой банковский счет.

Потому что я был счастлив с ней, а отец этого не понимал.

— У нас есть несколько кандидаток, — продолжает Каюцкая, открывая папку. — Но одна особенно выделяется. Тридцать пять лет, отличное здоровье, уже рожала...

Тридцать пять. Как Анне сейчас. Забавно, что я до сих пор помню ее возраст. Хотя с тех пор, как выгнал ее, прошло пять лет.

Пять лет назад отец принес мне фотографии. Анна в объятиях какого-то мужика в кафе. "Видишь, как она тебя любит?" — ехидно сказал он. "Пока ты работаешь, она развлекается с первым встречным."

Я тогда поверил. Поверил, потому что боялся поверить в обратное. Поверил, потому что Анна была слишком красива, слишком желанна для других мужчин. Поверил, потому что где-то в глубине души всегда знал — такие женщины, как она, не остаются верными одному мужчине. Даже если этот мужчина — Гордеев.

Самая большая ошибка в жизни.

— Какие мотивы у кандидатки? — спрашивает Виктория ледяным тоном.

Виктория Алексеевна Любимова. Теперь Гордеева. Дочь депутата, экономист с красным дипломом, женщина, которая хочет ребенка больше, чем воздуха. И которая не может его иметь.

Справедливость, в конце концов.

— Финансовые, — отвечает Каюцкая. — Дочь с особенностями развития, нужны дорогие реабилитационные программы. Мать работает на нескольких работах, но денег не хватает.

Мать-одиночка, продающая свое тело за деньги на лечение ребенка. История достойная мелодрамы. И почему-то она отзывается болью где-то в груди.

— А отец? — спрашиваю я, затягиваясь сигаретой.

— Развелись до рождения ребенка. Отец не знает о дочери.

Развелись до рождения. Ребенок шести лет. Тридцать пять лет матери.

Хронология вроде бы сходится, но это не мое дело. У Гордеевых не бывает больных детей. Чистая кровь, отборная генетика, проверенная веками. А эта девчонка с особенностями — явно не из нашего рода.

— Имя? — хрипло спрашиваю я.

— Анна Сергеевна Миронова.

Сигарета выпадает из онемевших пальцев, оставляя на ковре черную дыру. Как в моей груди.

Анна. Моя Анна. Та самая женщина, которую я выгнал из дома, поверив подставе отца. Но разве я мог поступить иначе? Разве можно было не поверить фотографиям? Светловолосая красавица в объятиях чужого мужчины — картина, которая жгла мне глаза и душу. Я любил ее до безумия, но любовь и доверие — разные вещи. Любовь слепа, а доверие требует гарантий. А каких гарантий могла дать Анна? Молодая, красивая, желанная для всех мужчин... Рано или поздно она бы все равно предала.

Что ж, каждому свое. Она выбрала свою дорогу, я — свою.

Меня выворачивает не от мысли об отцовстве, а от понимания — придется иметь дело с женщиной, которая когда-то значила для меня слишком много. Мурашки бегут по коже от предвкушения встречи. В горле пересыхает, будто я выпил стакан песка.

— Алексей? — голос Виктории доносится откуда-то издалека. — Что с тобой?

Что со мной? Да все в порядке, дорогая жена. Просто выяснилось, что моя бывшая любовница готова стать инкубатором для нашего ребенка. С дополнением в виде большого отпрыска от неизвестного отца.

Прекрасная ситуация.

— Покажите фото, — требую я.

Каюцкая протягивает документ. И мое сердце, которое я считал давно мертвым, вдруг начинает биться.

Анна. Черт возьми, она даже не постарела. Светлые волосы, как жидкое золото, серо-голубые глаза, в которых когда-то тонул. Идеальная осанка — наследие гимнастического прошлого. Даже на этой дерьмовой фотографии видно, что тело осталось таким же шикарным.

Идеальный контейнер для моего наследника.

— Мы берем ее, — говорю я, не отрывая глаз от фотографии.

— Алексей, может, сначала рассмотрим других...

— Заткнись, Виктория, — обрываю я жену. — Я сказал — берем ее.

Виктория вздрагивает, но молчит. Она привыкла к моему характеру. К тому, что я не терплю возражений.

— Отлично, — улыбается Каюцкая. — Компенсация стандартная — пятьдесят тысяч долларов...

Пятьдесят тысяч долларов. Для меня это сумма, которую я трачу на бензин для яхты. Для Анны — спасение ее больной дочери.

Справедливый обмен.

— Есть одно условие, — вмешивается Виктория. — Зачатие только естественным путем. Никакого ЭКО.

Естественное зачатие. Я должен буду заниматься с Анной любовью. Входить в нее, как раньше, когда мы были вместе. Только теперь она просто красивый контейнер для производства наследника.

Работа как работа.

Знаете, есть вещи, которые способны довести мужчину до безумия. Необходимость использовать красивую женщину как контейнер для наследника, зная, что когда-то она была твоей — одна из них.

Но бизнес есть бизнес.

— Также она должна жить в нашем доме, — продолжает Виктория. — Под постоянным контролем.

Под контролем. Виктория хочет держать Анну как пленницу. Наблюдать, как этот идеальный контейнер толстеет, вынашивая наследника Гордеевых.

— Согласится ли она? — спрашивает Каюцкая.

— За эти деньги любой контейнер согласится на что угодно, — цинично отвечаю я.

И это правда. Отчаяние заставляет людей идти на все. Я это знаю лучше других — построил империю на чужом отчаянии.

— У нее есть дочь, — напоминает Каюцкая.

— Пусть приводит, — говорю я. — В доме хватит места.

Дочь будет жить в моем доме. Больная девочка, которая не говорит и не смотрит в глаза. Отличное дополнение к беременной бывшей любовнице.

Интересно, что подумает персонал?

Если Анна не врала тогда, пять лет назад, когда кричала мне вслед: "Ты еще пожалеешь! Ты потеряешь самое дорогое!"

Тогда я думал, что самое дорогое — это она. Теперь понимаю — она просто грозилась мстью. Ну что ж, получила по заслугам.

— Когда встреча? — спрашиваю я, раздавливая окурочек в хрустальной пепельнице.

— Сегодня после обеда, — отвечает Каюцкая. — Если анализы в порядке.

Сегодня. Через несколько часов я увижу Анну. Впервые за пять лет посмотрю в глаза женщине, которая когда-то была моей слабостью.

Интересно, что я почувствую? Ностальгию? Презрение к тому, кем она стала?

Мы выходим из центра, и я сразу достаю пачку "Мальборо". Нервы на пределе, руки дрожат, хочется выпить. Много выпить.

— Алексей, — Виктория садится в "Мерседес" рядом со мной, — ты странно себя ведешь. Что в той женщине особенного?

Что особенного? Да ничего особенного. Просто красивый контейнер класса люкс, который когда-то грел мою постель. Удобно и практично.

— Ничего, — отвечаю я, заводя мотор. — Просто хочу поскорее получить наследника.

Наследника. Ребенка, которого выносит Анна и который будет носить фамилию Гордеев. Который станет моим законным сыном, в отличие от ее больной дочки.

— Мне нужно переоборудовать гостевой домик, — планирует Виктория. — Установить камеры, нанять охрану. Этот контейнер будет носить нашего ребенка, нужен полный контроль.

Контроль. Камеры. Охрана. Виктория превратит Анну в заключенную, а я буду ее тюремщиком и одновременно — любовником по принуждению.

Доезжаем до дома молча. Особняк в Рублевке, двадцать комнат, бассейн, теннисный корт. Все, что полагается миллиардеру. Все, кроме счастья.

В кабинете наливаю себе двойной виски и включаю Metallica на полную громкость. Джеймс Хетфилд орет о том, что nothing else matters, и это как никогда актуально.

Ничто не имеет значения. Ни деньги, ни бизнес, ни статус. Потому что сегодня я столкнулся с призраком прошлого. С женщиной, которая когда-то заставляла меня чувствовать себя живым.

А теперь будет просто выполнять свою работу. Элитный контейнер для производства наследника.

А я в это время трахал модель за моделью, строил бизнес и считал себя успешным.

Телефон звонит. Отец.

— Сын, как дела с наследником? — голос Виктора Алексеевича звучит довольно.

— Нашли суррогатную мать, — отвечаю я, допивая виски.

— Отлично! Кто она?

Кто она? Бывшая гимнастка с шикарным телом, которая родила больного ребенка от какого-то мужика. Теперь готова работать элитным контейнером ради денег на лечение.

— Ничего особенного, — говорю я. — Просто качественный контейнер.

Контейнер. Я называю Анну контейнером. Светловолосую красавицу с шикарным телом, которая когда-то сводила меня с ума, а теперь стала товаром.

После разговора с отцом наливаю еще виски. И еще. Пока мир не становится размытым, а боль в груди — терпимой.

Сегодня днем я увижу Анну. Скажу ей, что хочу, чтобы она выносила моего ребенка. Буду заниматься с ней любовью по расписанию, как племенной жеребец.

И буду смотреть на ее больную дочку, радуясь, что это не мой ребенок. У Гордеевых не бывает брака.

Знаете, есть вещи хуже смерти. Встретиться лицом к лицу с прошлым, которое ты считал похороненным. Использовать красивую женщину как дорогой контейнер, зная, что когда-то она была твоей.

Глава 5

Анна

Мои руки дрожат так, что я едва могу удержать конверт с результатами анализов. София идет рядом, молча, как всегда, но я чувствую ее напряжение. Дети с аутизмом очень тонко улавливают эмоции окружающих, и моя паника передается ей волнами.

Центр "Надежда" встречает меня той же стерильной роскошью, что и вчера. Но сегодня эти белые стены кажутся мне стенами операционной, где будут вскрывать не тело, а душу. Где я окончательно продам то, что осталось от моего достоинства.

— Анна Сергеевна? — голос администратора звучит приторно-вежливо. — Альбина Сергеевна ждет вас. И... ваши потенциальные заказчики тоже прибыли.

Заказчики. Люди, которые купят меня, как породистую корову на ярмарке. Которые будут девять месяцев владеть моим телом, контролировать каждый мой вздох, каждый глоток воды, каждый шаг.

— Софочка, — шепчу я дочери, — сейчас мы встретимся с людьми, которые... которые помогут нам. Ты только посиди тихо, хорошо?

Она не отвечает, но я знаю — она понимает. Всегда понимает больше, чем кажется.

Идем по коридору к кабинету Каюцкой, и каждый шаг дается мне как через силу. Ноги ватные, в животе крутит от нервов, во рту пересохло так, что язык прилипает к небу.

Знаете, есть моменты, когда ты понимаешь — сейчас твоя жизнь изменится навсегда. Когда ты стоишь на пороге и знаешь: как только переступишь его, дороги назад не будет. И ты идешь, потому что у тебя нет выбора. Потому что любовь к ребенку сильнее страха за собственную судьбу.

Дверь кабинета открывается, и Каюцкая встречает нас с профессиональной улыбкой.

— Анна, проходите. Результаты анализов отличные, поздравляю. — Она ведет нас внутрь. — Позвольте представить ваших заказчиков...

Я поднимаю глаза и мир останавливается.

Алексей.

Мой Алексей сидит в кресле напротив стола, и смотрит на меня теми же темными глазами, в которых я когда-то тонула. Чуть постаревший, более жесткий, с новыми морщинками у глаз. Но все тот же мужчина, которого я любила больше жизни.

Мужчина, который выгнал меня из дома, назвав шлюхой.

Рядом с ним — Виктория. Моя бывшая лучшая подруга, которая теперь носит его фамилию. Она смотрит на меня с тем же высокомерием, с каким смотрят на прислугу.

Меня буквально выворачивает наизнанку. Мурашки пробегают по коже, как тысячи ледяных иголок. В горле пересыхает так, что я не могу сглотнуть. Ломит все кости, словно я заболела гриппом за секунду.

Это не может быть правдой. Это чудовищный сон, кошмар, который должен сейчас закончиться.

— Познакомьтесь, — продолжает Каюцкая, не замечая моего состояния, — Алексей Викторович и Виктория Алексеевна Гордеевы. А это Анна Сергеевна Миронова и ее дочь София.

Алексей встает из кресла, и я вижу, как он напрягся. Его лицо — маска, но глаза... в глазах я читаю шок, который он пытается скрыть.

Виктория рядом с ним белеет, словно увидела призрака. Ее губы дрожат, руки сжимаются в кулаки. Она узнала меня. Конечно, узнала — мы же были лучшими подругами, подружились

в универе...А потом появился Алексей и оказывается его захотела не только я. А потом она разрушила мою жизнь.

В ее глазах вспыхивает паника, потом ярость. Она смотрит на мужа, потом на меня, и я вижу, как в ее голове складывается пазл. Она понимает, что Алексей выбрал меня специально. Что это не случайность.

— Анна, — говорит он, и его голос звучит так же, как пять лет назад. Низкий, хриловатый, с легкой усталостью. Голос, который когда-то шептал мне слова любви.

— Алексей Викторович, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Виктория.

Виктория встает рядом с мужем, и я вижу, как она с трудом сдерживается. Ее лицо искажается от ярости, но она не смеет возразить мужу. Боится его гнева больше, чем моего присутствия.

— Очень... приятно, — говорит она сквозь зубы, едва сдерживая истерику. — Надеюсь, вы понимаете всю серьезность предстоящей работы.

Я чувствую, как она борется с желанием закричать, обвинить меня во всех грехах, устроить скандал. Но боится Алексея. Боится его реакции на любые возражения.

Работы. Она называет вынашивание ребенка работой. И в этом слове — весь ужас моего положения.

— Понимаю, — шепчу я.

София жметя ко мне, чувствуя напряжение. Она не поднимает глаз, но я вижу, как она покачивается — ее способ справляться со стрессом.

Алексей смотрит на нее, и я перехватываю его взгляд. В нем любопытство, но не узнавание. Он не видит себя в ней. Не понимает, что смотрит на собственную дочь.

И это, наверное, к лучшему. Потому что если бы он узнал правду...

Представьте, каково это — стоять в одной комнате с отцом своего ребенка, который не знает о его существовании. Смотреть, как он изучает свою дочь взглядом постороннего человека. Понимать, что твоя тайна — это граната с выдернутой чекой, которая может взорваться в любой момент.

— Садитесь, пожалуйста, — Каюцкая указывает на кресла. — Обсудим детали сотрудничества.

Сотрудничества. Еще одно красивое слово для описания продажи человеческого тела.

Мы садимся, и я оказываюсь прямо напротив Алексея. Он смотрит на меня в упор, не скрывая изучающего взгляда. И в этом взгляде нет тепла, которое было раньше. Только холодная оценка.

— Анна полностью подходит по всем медицинским показателям, — говорит Каюцкая. — Отличное здоровье, уже рожала, никаких противопоказаний.

— А психологическое состояние? — спрашивает Виктория, и в ее голосе слышится плохо скрываемая злоба. — Сможет ли она выносить ребенка и отдать его без истерик?

Она делает акцент на слове "истерик", словно намекая на что-то. Возможно, вспоминает мой срыв пять лет назад, когда я узнала о ее предательстве.

Без истерик. Она спрашивает, смогу ли я отдать ребенка, которого выношу девять месяцев, не сойдя с ума.

— Анна прошла полное психологическое тестирование, — отвечает Каюцкая. — Она понимает суть программы и готова к ней.

Готова. Никто не может быть готов к тому, чтобы отдать своего ребенка. Но когда на кону жизнь другого ребенка, готовность становится роскошью.

— У меня есть вопросы, — говорит Алексей, не отрывая от меня взгляда. — Почему суррогатное материнство? Есть же другие способы заработать.

Его вопрос как пощечина. Он прекрасно знает, в каком положении я оказалась после того, как он выгнал меня. Знает, что у меня нет образования, связей, денег. И спрашивает, почему я дошла до продажи собственного тела.

— У моей дочери особенности развития, — отвечаю я, стараясь держать голос ровно. — Ей нужна дорогостоящая реабилитация. Я работаю на двух работах, но этого недостаточно.

— Аутизм? — уточняет Алексей.

— Расстройство аутистического спектра, — подтверждаю я.

Он кивает, и в его глазах я читаю... облегчение? Словно он рад, что ребенок не его. Что у его "чистой крови" не может быть дефектов.

Если бы он знал...

— А отец ребенка? — продолжает Алексей. — Почему он не помогает?

Отец ребенка сидит прямо передо мной и спрашивает, где отец его дочери. Ирония ситуации настолько чудовищна, что хочется засмеяться. Или зарыдать.

— Он... он не знает о дочери, — говорю я тихо. — Мы развелись до ее рождения.

— Понятно, — Алексей откидывается в кресле. — Значит, вы полностью одна. Это хорошо — никто не будет мешать выполнению контракта.

Выполнению контракта. Он говорит о вынашивании ребенка, как о поставке товара.

— Теперь о условиях, — вмешивается Виктория, стараясь взять ситуацию под контроль. — Вы будете жить в нашем доме весь период беременности. Под постоянным наблюдением.

В ее голосе слышится вызов. Она хочет показать мне, кто здесь хозяйка. Хочет унижить меня, как когда-то унизила, разрушив мой брак.

Под наблюдением. Как заключенная. Как породистая сука, которую держат для получения щенков.

— А моя дочь? — спрашиваю я.

— Может жить с вами, — говорит Виктория, и я слышу в ее голосе ядовитые нотки. — Но с условием — никакого вмешательства в нашу семейную жизнь. Вы — временные жильцы, не более.

Она подчеркивает слово "нашу", словно метит территорию. Показывает, что Алексей принадлежит ей, а я здесь только по работе.

Временные жильцы. Мы с Софией — нежелательные гости в доме мужчины, который когда-то был моим мужем.

— Зачатие только естественным путем, — продолжает Виктория, и я вижу, как она с трудом выговаривает эти слова. Понимаю, что это требование далось ей нелегко. — Никакого ЭКО. Мы хотим, чтобы наш ребенок был зачат природно и натурально.

Она говорит о любви, но в ее глазах я читаю ненависть. Ко мне. К ситуации. К необходимости делить мужа с другой женщиной, пусть и по контракту.

В любви. Между мужчиной, который меня ненавидит, и женщиной, которую он не любит. Для женщины, которая меня презирает.

Какая любовь может быть в этом аду?

— Вы согласны на такие условия? — спрашивает Каюцкая.

Согласна ли я жить в доме с мужчиной, которого до сих пор люблю, и женщиной, которая разрушила мою жизнь? Согласна ли заниматься сексом с Алексеем ради зачатия ребенка, которого потом отдам? Согласна ли превратиться в живой инкубатор?

Я смотрю на Софию. Моя девочка сидит тихо, выстраивая в уме какие-то только ей понятные узоры. Она не знает, что сейчас решается ее судьба. Что мама готова пойти в ад ради ее будущего.

Знаете, есть решения, которые ломают тебя изнутри. Которые заставляют предать все, во что ты верила, все, что считала священным. Но когда альтернатива — смерть твоего ребенка, предательство становится формой любви.

— Согласна, — говорю я, и мой голос звучит как приговор.

— Отлично, — улыбается Каюцкая. — Тогда приступим к оформлению документов.

Документы. Контракт на продажу собственного тела. Договор, по которому я отказываюсь от права на ребенка, которого выношу.

Алексей встает и подходит к окну. Стоит спиной ко мне, и я вижу напряжение в его плечах. Ему тоже нелегко. Но по другим причинам.

— У меня еще один вопрос, — говорит он, не оборачиваясь. — Как мы будем... как произойдет зачатие?

Как произойдет зачатие. Как он будет входить в меня, думая о другой женщине. Как я буду принимать его в себя, зная, что это всего лишь работа.

— Мы предоставим вам отдельные апартаменты, — отвечает Каюцкая. — Приватность и комфорт гарантированы. Будете встречаться в дни овуляции, до наступления беременности.

До наступления беременности. Сколько раз мне придется лечь под мужчину, которого я когда-то любила? Сколько раз придется притворяться, что это ничего не значит?

— Хорошо, — коротко говорит Алексей.

— Отлично, — Виктория встает, и я вижу, как она дрожит от сдерживаемых эмоций. — Тогда можем подписывать контракт. Когда Анна сможет переехать?

Она произносит мое имя с таким отвращением, словно оно оставляет горький вкус во рту.

Когда я смогу переехать в свою тюрьму. В дом, где буду жить как пленница, вынашивая ребенка для людей, которые меня ненавидят.

— Завтра, — отвечаю я. — Нам нужно собрать вещи.

— Прекрасно, — Каюцкая достает толстую папку с документами. — Контракт стандартный. Компенсация пятьдесят тысяч долларов, медицинское обслуживание, проживание и питание. В случае выкидыша или медицинских противопоказаний — частичная компенсация.

Частичная компенсация в случае выкидыша. Они даже предусмотрели возможность того, что мое тело откажется выполнять свою функцию.

Читаю контракт, и каждый пункт как удар по лицу. "Суррогатная мать обязуется..." "Суррогатная мать не имеет права..." "Суррогатная мать отказывается от всех претензий..."

Суррогатная мать. Даже не по имени. Просто функция. Инкубатор для чужого счастья.

Подписываю документы дрожащей рукой. Каждая буква моего имени — это часть души, которую я продаю.

— Поздравляю, — говорит Каюцкая, когда все формальности завершены. — Добро пожаловать в программу.

Добро пожаловать в ад, хочется ответить мне.

Мы выходим из кабинета, и Алексей оказывается рядом. Идет молча, не глядя на меня. Но я чувствую исходящее от него напряжение.

— Аня, — тихо говорит он, когда мы оказываемся в коридоре.

Аня. Он называет меня так, как раньше. И от этого одного слова у меня сжимается сердце.

— Что? — оборачиваюсь я.

— Ничего, — он качает головой. — Увидимся завтра.

Увидимся завтра. В доме, где я стану живым инкубатором. Где буду заниматься с ним любовью ради зачатия чужого ребенка.

Мы выходим из центра на улицу, и я вдыхаю свежий воздух. Завтра этот воздух будет последним глотком свободы.

София крепко держится за мою руку. Моя девочка, ради которой я готова на все.

— Сонечка, — шепчу я ей, — завтра мы переедем в новый дом. Там будет хорошо, увидишь.

Она не отвечает, но сжимает мою руку крепче.

Знаете, есть жертвы, которые кажутся невозможными, пока не столкнешься с необходимостью их принести. Есть цены, которые кажутся слишком высокими, пока не поймешь, что альтернативы нет.

Завтра я начну платить самую высокую цену в своей жизни.

Ценой за будущее моей дочери станет мое прошлое, настоящее и то, что осталось от моего достоинства.

И я готова заплатить эту цену. Потому что материнская любовь не знает границ.

Даже если эти границы проходят через твое разбитое сердце.

Глава 6

Алексей

Я сижу в машине и не могу завести двигатель. Руки дрожат так, что ключи выскальзывают из пальцев. Меня выворачивает изнутри, мурашки бегут по коже волнами, в горле пересыхает, как в пустыне.

Анна. Черт возьми, это была Анна.

Пять лет я убеждал себя, что забыл ее. Пять лет строил новую жизнь, женился на Виктории, развивал бизнес. Говорил себе, что та светловолосая женщина с серо-голубыми глазами — это прошлое, которое больше не имеет значения.

Ложь. Все это было ложью.

Стоило мне увидеть ее сегодня, и весь мой выстроенный мир рухнул, как карточный домик. Она вошла в кабинет — все такая же красивая, с той же грациозной осанкой гимнастки, с тем же светом в волосах. И я понял: я ничего не забыл. Ничего не преодолел.

Виктория молчит на пассажирском сиденье. Лицо у нее каменное, губы сжаты в тонкую линию. Она узнала Анну, конечно. Как можно не узнать женщину, чью жизнь ты разрушила?

— Алексей, — наконец говорит она, и голос дрожит от ярости. — Объясни мне, какого черта ты выбрал именно ее?

Какого черта? Хороший вопрос. Какого черта я настоял на кандидатуре женщины, которая когда-то была моей женой? Которая до сих пор заставляет мое сердце биться так, что готово выпрыгнуть из груди?

— Это лучшая кандидатка, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Отличные медицинские показатели, уже рожала, нет противопоказаний.

— Не ври мне! — Виктория поворачивается ко мне, и в ее глазах пылает огонь. — Это твоя бывшая жена! Женщина, которую ты когда-то... которую ты...

Она не может произнести слово "любил". Потому что знает правду. Знает, что я никогда ее так не любил. Что наш брак — это сделка, удобная для обеих сторон.

— Которую я выгнал за измену, — жестко заканчиваю я фразу. — Это в прошлом, Виктория. Сейчас она просто контейнер для нашего ребенка.

Контейнер. Я снова называю Анну контейнером, и каждый раз это слово режет меня изнутри. Потому что я помню, какой она была. Помню ее смех, ее нежность, то, как она смотрела на меня, словно я был для нее целым миром.

А теперь она готова стать инкубатором за деньги. Ради своего больного ребенка.

— А девочка? — спрашивает Виктория. — Эта... дефективная девочка будет жить в нашем доме?

Дефективная. Она говорит о ребенке с аутизмом так, словно это бракованный товар.

— Она не дефективная, — огрызаюсь я. — Просто особенная. И да, будет жить с нами. Это условие контракта.

Виктория смотрит на меня с удивлением. Наверное, не ожидала, что я буду защищать чужого ребенка.

Чужого ли?

Мысль пронзает меня, как молния. Девочка выглядит на шесть лет. Анна сказала, что развелись до рождения ребенка. Но когда именно мы развелись?

Пытаюсь вспомнить. Пять лет и восемь месяцев назад. Отец принес те проклятые фотографии, я устроил скандал, выгнал Анну. А через месяц подал на развод.

Если девочке действительно шесть лет, значит, Анна забеременела как раз в то время...

Нет. Не может быть. У Гордеевых не рождаются дефективные дети. Наша кровь чистая, генетика безупречная. А у этой девочки аутизм.

Знаете, есть мысли, которые так страшны, что ты отказываешься их даже рассматривать. Мысль о том, что у тебя может быть ребенок, о котором ты не знал шесть лет, — одна из них.

Особенно если этот ребенок не такой, как ты ожидал.

— Алексей, ты меня слышишь? — голос Виктории возвращает меня к реальности.

— Что?

— Я спрашиваю, как мы будем... как ты будешь с ней... — она не может произнести слова вслух. — Ты понимаешь, что тебе придется заниматься с ней сексом?

Заниматься сексом с Анной. Прикасаться к ее коже, целовать ее губы, входить в нее... Ради зачатия ребенка для другой женщины.

Меня ломит от этой мысли. Кости болят, как при высокой температуре. Представьте, каково это — знать, что скоро ты будешь заниматься любовью с женщиной, которую когда-то обожал, но теперь это будет просто работа. Биологическая функция. Оплодотворение племенной кобылы.

— Справлюсь, — говорю я сухо. — Это всего лишь работа.

Работа. Я пытаюсь убедить себя, что смогу относиться к Анне как к работе. Что смогу войти в нее, не вспоминая, какой страстной она была. Как стонала мое имя, как обнимала меня после, как шептала, что любит.

Ложь. Все это ложь.

— Хорошо, — Виктория откидывается в кресле. — Но я буду контролировать каждый твой шаг. Никаких лишних разговоров с ней, никаких воспоминаний о прошлом. Ты идешь к ней, делаешь свое дело и возвращаешься ко мне.

Делаю свое дело. Она говорит о зачатии ребенка, как о походе в туалет.

— Понял, — отвечаю я.

Заводим машину и едем домой молча. Виктория смотрит в окно, планируя, как обустроить жизнь с суррогатной матерью. А я думаю о том, что завтра Анна переедет в мой дом.

Женщина, которая когда-то была моей женой, будет жить под моей крышей. Спать в гостевом домике, завтракать на моей кухне, гулять по моему саду. И я буду видеть ее каждый день.

Как я это переживу?

Дома иду напрямик в кабинет и наливаю себе тройной виски. Включаю музыку на полную громкость — Linkin Park орет о том, что все рушится, и это как никогда актуально.

Телефон звонит. Отец.

— Алексей, — голос Виктора Алексеевича звучит озабоченно. — Слышал, что вы наконец нашли суррогатную мать. Как она выглядит? Подходящая?

— Вполне, — отвечаю я, делая большой глоток виски.

— А здоровье? Наследственность? Мы же не хотим получить бракованного наследника. Бракованного наследника. Как он говорит о будущем ребенке, словно о заводском изделии.

— Все в норме, — коротко отвечаю.

— И когда начнете процедуры? Время не ждет, сын. Мне уже семьдесят два, хочу успеть понянчить правнука.

— Скоро, — говорю я. — Завтра она переезжает к нам.

— Отлично! А то я уже начал волноваться, что ты так и останешься без наследника. Ведь Гордеев без продолжения рода — не Гордеев.

После разговора наливаю еще виски. И еще. Пока боль в груди не станет терпимой, а мысли не перестанут метаться, как птицы в клетке.

Виктория заходит в кабинет без стука.

— Алексей, нам нужно поговорить, — говорит она.

— О чем?

— О том, что произойдет, когда она переедет сюда. — Виктория садится напротив. — Я не дура. Я вижу, как ты на нее смотришь.

Как я на нее смотрю? А как должен смотреть мужчина на женщину, которая когда-то была смыслом его жизни, а теперь стала просто арендованным контейнером?

— Не знаю, о чем ты, — отвечаю я.

— Знаешь. Ты смотришь на нее так же, как пять лет назад. Словно она до сих пор что-то для тебя значит.

До сих пор что-то значит. Если бы она знала, как много.

— Это прошлое, — говорю я твердо. — Мертвое прошлое.

— Тогда почему ты выбрал именно ее? — настаивает Виктория. — Из сотни кандидаток ты выбрал свою бывшую жену. Почему?

Почему? Потому что, увидев ее имя в досье, я не смог выбрать никого другого. Потому что судьба дала мне шанс увидеть ее снова. Потому что я слабак, который до сих пор не может забыть женщину, которую выгнал пять лет назад.

— Потому что она лучшая кандидатка, — повторяю я.

— Ври кому-то другому, — Виктория встает. — Но запомни: я буду следить за каждым твоим шагом. За каждым взглядом, каждым словом. И если ты попытаешься возобновить с ней отношения...

— Что? — спрашиваю я, глядя ей в глаза.

— Я расскажу все твоему отцу, — тихо говорит Виктория. — О том, что ты выбрал свою бывшую жену суррогатной матерью. О том, что до сих пор не можешь забыть эту женщину. Как ты думаешь, что сделает Виктор Алексеевич, узнав, что его сын и наследник одержим какой-то шлюхой?

Кровь стынет в жилах. Отец. Если отец узнает, что я выбрал Анну специально...

— Он лишит тебя наследства, — продолжает Виктория, видя мою реакцию. — Исключит из совета директоров. Найдет другого наследника — племянника, двоюродного брата, кого угодно. Но не сына, который не может забыть бывшую жену.

Наследство. Совет директоров. Империя, которую строил дед, развивал отец. Все, ради чего я жил последние годы.

— Ты не посмеешь, — говорю я, резко встаю и делаю шаг к ней.

— Посмею. Еще как посмею. — В ее глазах пляшут демоны. — Потому что я не собираюсь делить мужа с призраком прошлого. Выбирай, Алексей: или ты относишься к этой женщине как к контейнеру, или я разрушу все, что ты строил.

Что-то щелкает у меня в голове. Я хватаю Викторию за плечи и прижимаю к стене. Она вскрикивает от неожиданности, глаза расширяются от страха.

— Послушай меня внимательно, дорогая жена, — говорю я тихо, но так, что она бледнеет. — Если ты хоть слово скажешь отцу, ты очень сильно об этом пожалеешь. Я превращу твою жизнь в ад, который тебе и не снился. Развод без копейки, компромат на твоего папочку-депутата, полное уничтожение твоей семьи. Понятно?

Виктория дрожит в моих руках, но упрямо задирает подбородок.

— Понятно, — шепчет она.

Отпускаю ее и отхожу. Она потирает плечи, на которых наверняка останутся синяки.

— Хорошо. Тогда можешь идти, — говорю я и поворачиваюсь к окну.

Завтра Анна переедет в мой дом. Будет жить здесь девять месяцев, вынашивая моего ребенка. Каждый день я буду видеть ее, разговаривать с ней, бороться с желанием прикоснуться.

И несколько раз в месяц мне придется заниматься с ней любовью. Ради зачатия. Ради наследника.

Знаете, есть наказания хуже тюрьмы. Жить рядом с женщиной, которую любишь, но не можешь иметь, — одно из них. Особенно когда эта женщина ненавидит тебя за то, что ты разрушил ее жизнь.

Допиваю виски и иду в спальню. Виктория уже спит, отвернувшись к стене. Я ложусь рядом, но сон не идет.

Завтра начнется мой личный ад.

Ад, в котором я буду каждый день видеть женщину, которую потерял по собственной глупости. Буду пользоваться ее телом для производства наследника, зная, что она делает это только за деньги.

И самое страшное — я буду каждый день смотреть на ее дочь и думать: а что, если это мой ребенок? Что, если я шесть лет был отцом, не зная об этом?

Но нет. Не может быть. У Гордеевых не рождаются неполноценные дети.

Хотя... А что, если рождаются? Что, если вся наша гордость своей "чистой кровью" — просто самообман?

Что, если я не только потерял жену, но и бросил своего ребенка?

Эта мысль преследует меня до самого утра. Жжет изнутри, не дает покоя, заставляет ворочаться в постели.

А утром мне придется встретить Анну. Показать ей дом, где она проведет следующие девять месяцев. Объяснить правила игры, в которую мы все ввязались.

И попытаться не сойти с ума от близости к женщине, которая когда-то была моим миром.

Потому что некоторые ошибки нельзя исправить. А некоторые потери невозможно вернуть.

Даже если судьба дает тебе второй шанс.

Глава 7

Виктория

Я сижу в своей спальне и потираю синяки на плечах. Не от боли — от удовольствия. Алексей показал свой характер, и это меня заводит. Он может быть жестким, когда нужно. Именно поэтому я его и выбрала.

Но больнее всего не синяки. Больнее всего осознание того, что моя игра дала трещину. Что этой дуре Анне удалось снова появиться в нашей жизни.

Анна. Анна Миронова. Жалкая неудачница, которая когда-то была моей лучшей подругой. А теперь — просто инструментом для получения того, что мне нужно.

Меня забавляют воспоминания о том, как легко я ее обманула. Как доверчиво она рассказывала мне о своих проблемах с Алексеем, не подозревая, что я передаю каждое слово его отцу. Какой жалкой она была, когда умоляла меня поверить в ее невиновность.

Глупая. Всегда была слишком наивной для этого мира.

Сегодня она вошла в кабинет Каюцкой — все такая же красивенькая, с этой раздражающей гимнастической грацией. Но я видела в ее глазах отчаяние. Прекрасно. Отчаявшиеся люди делают все, что нужно.

Пять лет назад я думала, что окончательно от нее избавилась. Разрушила ее жалкую сказку о любви, заставила мужа выгнать ее как шлюху. А теперь она вернулась — униженная, нищая, готовая продать свое тело за деньги.

Идеально. Именно такой я ее и хотела видеть.

Знаете, есть вещи, которые доставляют особое удовольствие. Наблюдать, как твои планы срабатывают, как люди пляшут под твою дудку, — одна из них. Видеть результат своих действий, понимать, что ты сильнее и умнее — это опьяняет.

Встаю и иду к окну. Внизу, в саду, садовники готовят гостевой домик к приезду "гостей". Завтра здесь будет жить она. Анна. Контейнер для моего будущего ребенка.

Ребенка, которого она родит и отдаст мне.

Боже, как же это случилось? Как я дошла до того, что вынуждена покупать суррогатную мать? Что смотреть, как другая женщина спит с моим мужем ради зачатия наследника?

Эндометриоз. Чертова болезнь, которая мешает мне получить то, что хочу. Но даже это я сумею обратить в свою пользу. Три года мы с Алексеем пытаемся зачать ребенка, и он видит мои "страдания". Это сближает нас, делает его более внимательным.

А теперь эта дуручка родит ему ребенка с первой попытки. И отдаст мне. Потому что у нее нет выбора.

Слезы? Гордеевы не плачут. Мы побеждаем. Правда Гордеевой я стала недавно!

Но когда я остаюсь одна, я планирую. Планирую, как сделать жизнь этой женщины максимально неприятной. Как напомнить ей каждый день, кто здесь хозяйка, а кто — наемная сука.

Дверь открывается без стука. Входит Алексей. Лицо у него каменное, глаза холодные.

— Мы должны поговорить, — говорит он.

— О чем? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— О том, что произойдет завтра. О правилах, которых мы все будем придерживаться.

Правила. Он хочет установить правила для нашего семейного ада.

— Слушаю, — говорю я.

— Первое: ты относишься к Анне с уважением. Никаких унижений, никаких оскорблений. Она выносит нашего ребенка, и мы обязаны ей за это.

Обязаны ей. Он заблуждается, если думает, что я буду благодарна этой шлюхе. Но играть могу.

— Второе: ее дочь — не мишень для твоих придировок. Это ребенок с особенностями, и она нуждается в спокойной обстановке.

Ее дочь. Эта странная девочка, которая будет жить в моем доме. Интересно, насколько она дефективна? И главное — кто ее отец?

Мысль интригует меня. Возраст ребенка, время развода... А что, если эта маленькая дурочка — дочь Алексея?

— Третье: никаких сцен ревности. То, что происходит между мной и Анной, — это исключительно для зачатия. Ничего личного.

Ничего личного. Ну конечно. Он будет трахать свою бывшую жену и думать о работе. Какой наивный.

— А если я не согласна? — спрашиваю я, наслаждаясь игрой.

Алексей подходит ближе, и я не отступаю. Люблю, когда он злится. Это делает его еще более привлекательным.

Алексей подходит ближе, и я инстинктивно отступаю. В его глазах тот же холод, что был час назад.

— Тогда ты можешь собрать вещи и уехать к родителям, — говорит он спокойно. — Навсегда.

Навсегда. Он готов выгнать меня из дома ради этой женщины.

— Ты не посмеешь, — шепчу я.

— Посмею. И ты это знаешь.

Да, знаю. Алексей Гордеев — мужчина, который не бросает слов на ветер. Если он сказал, что выгонит меня, значит, так и сделает.

— Хорошо, — говорю я сквозь зубы, но внутри улыбаюсь. — Я согласна на твои правила.

Пока что. Но правила можно нарушать. Особенно когда никто не видит.

— Умница, — он поворачивается к выходу. — Кстати, завтра утром ты встретишь их у главного входа. Проводишь в гостевой домик, покажешь, где что находится. Ведешь себя как радушная хозяйка.

Радушная хозяйка. О, я буду просто образцом гостеприимства. Покажу этой дуре, как живут настоящие леди.

— Понятно, — говорю я.

Алексей уходит, оставляя меня наедине с планами.

Иду в ванную и смотрю на себя в зеркало. Красивая, ухоженная, успешная женщина. А синяки на плечах только добавляют пикантности. Алексей может быть грубым, когда захочет.

Пять лет назад я была амбициозной студенткой с ясными целями. Красивая, умная, готовая на все ради успеха. Я хотела Алексея Гордеева — и получила его. Хотела его деньги, его статус, его мир — и стала его королевой.

Единственная проблема — он иногда вспоминает о своей бывшей шлюхе.

Анну я знала с университета. Мы были соседками по общежитию, потом стали подругами. Она изучала педагогику, я — экономику. Она мечтала работать с детьми, я — покорить мир бизнеса.

Когда Анна познакомилась с Алексеем, я поняла: это моя возможность. Он был богат, влиятелен, красив. Все, о чем я мечтала. Но он был слеп от любви к этой дурочке.

Представьте, каково это — наблюдать, как мужчина твоей мечты обожает твою лучшую подругу. Видеть, как он смотрит на нее, как целует, как шепчет ей слова любви. И понимать, что ты умнее, красивее, достойнее — но для него существует только она.

Это не съело меня. Это мотивировало.

И когда представилась возможность разрушить их отношения, я ее использовала. Блестяще.

Виктор Алексеевич, отец Алексея, с самого начала не одобрял Анну. Считал ее недостойной сына, слишком простой, без связей и денег. Он хотел, чтобы Алексей женился на "подходящей" девушке. На такой, как я.

Мы сговорились. Он обеспечил фотографии, я — детали и мотивацию. Подставили Анну так изящно, что она даже не поняла, что произошло. Алексей поверил, выгнал ее, подал на развод.

А я была рядом. Утешала, поддерживала, постепенно заполняла пустоту в его жизни. Через год мы поженились.

Гениальный план. И он до сих пор работает.

Конечно, Алексей так и не полюбил меня так, как любил ее. Но любовь — это роскошь. А я получила то, что действительно важно: статус, деньги, власть.

Три года брака, и я королева этого мира. Он вежлив, внимателен, даже страстен в постели. А что мне еще нужно? Сопли про "настоящую любовь"?

А теперь она вернулась. И думает, что может что-то изменить. Но она ошибается. Потому что теперь я хозяйка положения.

Лучше всего то, что я могу ей навредить, и она ничего не сможет сделать. Не может уйти, не может жаловаться, не может даже огрызнуться. Потому что она в отчаянии. А отчаявшиеся люди — самые послушные.

Она выносит ребенка, которого я заберу у нее.

Знаете, есть унижения, которые доставляют особое удовольствие. Заставить женщину, которая когда-то считала себя лучше тебя, служить твоим интересам — одно из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.